Автор: Беслан
21.09.2011 10:32 - Обновлено 21.09.2011 11:24

В быту народов Северного Кавказа большую роль играли так называемые тамги — знаки, выполнявшие самые разнообразные функции: от элементарного знака собственности, наносимого на вещи или тело животного, до фамильного герба. Они вышивались на свадебном флаге, высекались на надмогильных плитах. И род Теуважевых не исключение, более того на примера нашего рода можно проследить много причинно-следственных связей с общей Кавказской динамикой развития и движением тамг.
Из всех видов научных публикаций по кавказским тамгам самой фундаментальной по объему по сей день является работа профессора Л. И. Лаврова. В ней Лавров исследовал все работы, предшествовавшие 1978 г., и для анализа собрал огромный каталог тамг — до 1384 знаков, самый большой в литературе советского периода.
Профессор Л. И. Лавров считал первым из дореволюционных исследователей кавказских тамг Д. Кантемира, зарегистрировавшего в 1772 г. две из них.
Однако наиболее тщательное изучение источников свидетельствует о том, что первыми, кто описал, зарисовал северокавказские тамги, являются безвестные писари Конюшенных, Посольских приказов русского государства, которые фиксировали партии лошадей, подаренных представителями народов Северного Кавказа русскому двору. Они по долгу службы внимательнейшим образом описывали тавры, масть, возраст, высоту и другие особенности лошадей.
В самом деле, если тамга Д. Кантемира датируется 1722 г., то, по данным ЦГАДА, тамга, зарисованная с лошади, подаренной кабардинским князем Шолохом Сунчалеевичем русскому правительству, относится к 1630 г., т. е. на 142 года раньше «пионера изучения кавказских тамг» Д. Кантемира. Важность данного сообщения повышается и тем, что, помимо самого рисунка тамги, архивные данные сообщают имя владельца тамги и даже сторону лошади, на которой находится знак.
Из этого следует что тамги могли и могут выступать с большой долей вероятности достоверным источником по которому можно было определить историю рода, его территориальную принадлежность и т.д.
Лавров, в отличие от предыдущих авторов, дал первое объяснение ареала «кавказских тамг», предположив наличие его связи с «историей территориального распространения на Кавказе табунного коневодства и скотоводства».
Вторая заслуга известного кавказоведа состоит в том, что он первый предложил рассмотреть тамги не только как знак собственности, но и более широко. При этом выявил следующие ее функции:
а) тамга как «производственное клеймо» - когда владелец занимался улучшением породы и выводил свою породу;
б) тамга как «подпись или печать» — когда ее ставят на дверях кунацкой или под документом;
в) тамга, выполняющая «роль герба» — когда ее ставили на знамя или же когда высекали на могильном памятнике.
Появление тамги в эпоху господства родового строя Лавров считает малообоснованным, но, касаясь значения тамги в родственном аспекте, он объясняет, что «знак собственности, общий для всей фамилии, с течением времени становился графическим символом ее, т. е. гербом. Поэтому, когда родственные семьи вместо общего трафарета

обзаводились отдельными, то в таких случаях последние, как правило, оказывались либо одинаковыми по форме, либо отличались один от другого только деталями. Сходство тамг должно было подчеркивать принадлежность их владельцев к общему родственному кругу». Этим и объясняется сходство всех тамг Теуважевых.

Видоизменение тамги в его научном очерке прослеживается и на фоне эволюции рода с пояснением, что «фамильная тамга позволяла различать скот отдельных семей данной фамилии и могла быть заменена семейной тамгой, если внутрифамильные связи ослабевали. Обычно это происходило, в случае если в семье рождалось несколько сыновей, которые впоследствии делили между собой наследство отца, в том числе и домашний скот. Поэтому каждый из них брал себе новую семейную тамгу. Так получалось что у одной рода может быть несколько тамг одна из которых родовая, а все остальные семейные вышедшие из неё в разных поколениях. Далее Лавров объяснил причины совпадения формы тамг «у совершенно разных фамилий, даже у родственных народов» четырьмя причинами:

во-первых, случайность, особенно, когда речь идет о знаках, представлявших собой простейшие геометрические фигуры;

во-вторых, то, что нередко зависимые сословия пользовались «тамгой своего владельца»;

в-третьих, после смерти последних их тамгу присваивала другая фамилия;

в-четвертых, совпадение тамг могло указать на их общее происхождение, «хотя родственные связи между ними утрачены».

Процессы частичных ассимиляций, зафиксированные в тамгах, тоже имели место быть. Относительное сходства некоторых кавказских тамг с ногайскими и крымскими тамгами была из-за того, что «часть из обладателей подобных тамг действительно происходила от нагайцев (как в случае с ногайскими Теуважевыми) или татар». Аналогичную связь закономерно усматривать в исторической общности родственных племен адыгов, абхазов, абазин. Такие процессы ассимиляции происходили и внутри каждой из этих племён в отдельности, а именно ассимиляция одних адыгских субэтносов в других. Например: ассимиляция «беглых кабардинцев» среди бжедугов или бжедугов среди кабардинцев как в случае с Теуважевыми.